

В. А. Кошелев

«ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ»

Об одной детали у Пушкина и Островского

В незавершенной драме Пушкина «Сцены из рыцарских времен» (1835) и в драме Островского «Гроза» (1859), между которыми, казалось бы, трудно отыскать нечто общее, совпадают, однако, несколько деталей и сюжетных ситуаций. Вот одна из них. К богатому купцу обращается нищий изобретатель-самоучка: просит денег для проведения каких-то опытов или для реализации своих изобретений.

У Пушкина — это монах Бертольд Шварц, легендарный средневековый алхимик, мечтавший получить золото и нечаянно открывший порох. Он просит у купца Мартына полтора-ста гульденов в залог будущего «золота» — и тот в конце концов субсидирует его в надежде: а вдруг да получится? Показателен следующий обмен репликами:

«Мартын: Ну, а если опыт твой удастся, и у тебя будет и золота, и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?»

Бертольд: Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*...

Мартын: Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольд: *Perpetuum mobile*, то есть *вечное движение*. Если я найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти *perpetuum mobile*... о!..

Мартын: Убирайся к черту с твоим *perpetuum mobile*!.. Ей-богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь Бог знает что. Невозможно».¹

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 7. С. 220–221.

Услышав о *perpetuum mobile*, купец явно расстраивается и начинает сожалеть о деньгах, которые в очередной раз пропадут: вместо вожделенного «золота» изобретатель собирается искать неизвестно как применимое «вечное движение» — «Бог знает что».

В драме Островского есть, как известно, похожий персонаж, который уже в списке действующих лиц представлен следующим образом: «Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетгум мобиле». Об этой мечте Кулигина знают, наверное, все окружающие — и открывается он в очередной раз новому в городе человеку Борису Григорьевичу:

«Кулигин: Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис: Что ж бы вы сделали?

Кулигин: Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис: А вы надеетесь найти перпетгум мобиле?

Кулигин: Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться».²

В первом действии «Грозы» зритель знакомится с кулигинской мечтой, в четвертом — представлена его попытка «раздобыться деньжонками» у купца Савела Прокофьевича Дикого. Эта попытка (в отличие от предприятия пушкинского Бертольда) оказывается неудачной: купец, получивший возможность «покуражиться», всячески оскорбляет изобретателя, отвергая вполне разумные новшества, которые тот предлагает (солнечные часы, громоотвод). Эти оскорбления заставляют «часовщика-самоучку» вспомнить о своей мечте и, уходя, обронить фразу: «А вот будет у меня миллион, тогда я поговорю!».

История «вечного движения» чрезвычайно интересна. Под названием «*perpetuum mobile*» имеется в виду некая машина, способная не только поддерживать свое собственное движение неопределенно долгое время, но и производить полезную механическую работу, не требуя поддержки движения извне, — т. е. машина, способная создавать энергию из ничего. Создание такой машины было излюбленной мечтой множества изобретателей средневековья (самое раннее описание «вечного двигателя» относится к XIII в.), когда невозможность получения энергии из ничего не была еще признана основным законом природы. Этот закон был сформулирован О. Майером лишь в

² Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1950. Т. 2. С. 217.

1845 г. и получил право гражданства только во второй половине XIX в. Раньше ученые должны были решать этого рода вопросы своими частными соображениями: Ньютон и Лейбниц, к примеру, принимали это как аксиому. Но уже в 1775 г. Парижская Академия наук постановила не принимать к рассмотрению описаний «вечного двигателя», как и других экзотических решений: «квадратуры круга», «удвоения куба» и т. п.

Показательны в связи с этим примеры взаимоотношений «науки» и власти. Так, среди проектов «вечных двигателей» известно колесо Орфиреуса, обратившее на себя внимание Петра Великого в 1715 г. Осмотреть машину поручено было А. И. Остерману, о ней спрашивалось мнение европейских знаменитостей Лейбница и Вольфа. Последний очень осторожно выразил мысль, что если бы секрет Орфиреуса перешел в руки разумных математиков, то его можно было бы усовершенствовать, и это послужило первым поводом к переговорам о приглашении Вольфа на службу в Россию. Наконец, в 1722 г. библиотекарю Шумахеру, посланному за границу для собирания книг, раритетов для Кунсткамеры и других поручений научно-го характера, приказано было: «С Орфиреом о перпетуе мобиле говорить, ежели возможно будет и господин Вольф за полезное рассудит, о том с ним договариваться». Когда Шумахер предложил изобретателю пригласить двух славнейших математиков, чтобы они рассмотрели его машину, дав предварительно присягу, что никому не выдадут секрета, и поступить согласно их решению, то «последняя речь изобретателя была: на одной стороне положите 100 000 ефимков, а на другой я положу машину», которая «верна есть и никто же оную похулить может, разве из злонравия, и весь свет наполнен злыми людьми, которым верить весьма невозможно».³ Так не состоялось приобретение «вечного двигателя» для Петра Великого.

Неизбежные неудачи, однако, не останавливали изобретателей-самоучек. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона приводится, например, факт, что в 1881 г. в физическую лабораторию Петербургского университета привез модель вечного двигателя некий столяр из Гродно. Это было колесо, на нем висели 13 равных гирек; оно должно было вращаться около наклонной оси с помощью зубчатых колес, не осуществленных на модели потому, что у автора «не доставало

³ Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 484.

средств». Опускающиеся гирьки должны были поднимать друг дружку и тем поддерживать движение без конца. Изобретатель признавал, что одна гирька ничего сделать не может, «но их 13, они друг дружке помогают».

Прообразом пушкинского «сумасброда», брата Бертольда, был немецкий францисканский монах XIV в. Бертольд Шварц, занимавшийся алхимией. Предание говорит, что, посаженный в тюрьму по обвинению в колдовстве, он продолжал там свои занятия и случайно изобрел порох. За это изобретение во Фрейбурге ему воздвигнут памятник. Пушкин, сколько можно судить по планам его последнего драматического произведения, на обстоятельствах этого открытия собирался построить всю сюжетную интригу произведения. Написанная часть «Сцен...» завершается эпизодом пленения главного героя, молодого поэта Франца; при этом рыцарь, хозяин замка, дает клятву: «Так и быть: мы его не повесим — но запрем в тюрьму, и даю мое честное слово, что *он до тех пор из нее не выдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся*». И рыцари удостоверяют: «Быть так...».⁴

Дальнейшее движение сюжета прослеживается из плана. В тюрьме Франц оказывается в компании брата Бертольда. «Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох. — Бунт крестьян, возбужденный молодым поэтом. — Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулей. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии)».⁵

Намеченный Пушкиным в плане финал будущей пьесы носил, по указанию С. М. Бонди, символический характер: Фауст (согласно европейской традиции, изобретатель книгопечатания; имя легендарного доктора, продавшего душу дьяволу, было контаминировано с именем помощника И. Гутенберга И. Фуста) и дьявол (Мефистофель) «вводились как готовые литературные образы, обогащенные всеми связанными с ними поэтическими и философскими ассоциациями».⁶ Пушкин в сущности создавал произведение о том, как внутри «темного» средневековья вызревают признаки Нового времени, резко меняющие быт людей и отношения между ними.

Двигателями этих новых отношений становятся совершающиеся научные открытия: изобретение пороха монахом Бер-

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 240–241 (курсив мой. — В. К.).

⁵ Там же. С. 348 (оригинал по-французски; перевод на с. 386).

⁶ Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 249.

тольдом, изобретение интеллектуальной «артиллерии» — книгопечатания. Именно изобретения (важность которых еще может не вполне осознаваться самими изобретателями) дают возможность естественному движению прогресса.

Но парадокс в том, что изобретатели — те «сумасброды», которые движут историю, — создают свои открытия *слугайно*, в лучшем случае — *попутно*. Бертольд вовсе не собирался изобретать порох: он хочет сначала получить «золото», потом будет изобретать «*regretuum mobile*», потом трудиться над поисками «философского камня» и т. д. — т. е. двигатель истории собирается для Нового времени открыть какие-то очень «заманчивые задачи»! А то Новое время, которое он объективно приближает, первым делом отвергнет самую возможность осуществления этих «заманчивых задач»!

Парадокс еще более углубляется тем, что создатель Нового времени абсолютно *бескорыстен*. Вот еще один диалог:

«Мартын: Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех тех денег, которые прошли через твои руки, то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?»

Бертольд: Золота мне не нужно, я ишу одной истины.

Мартын: А мне чорт ли в истине, мне нужно золото».⁷

Изобретателем движет некий «духовный зуд»: вот кто уж действительно «духовной жаждою томим»! В одном из планов «Сцен...» этот мотив выявлен еще ярче:

«Шварц ищет философского камня — Калибан, его сосед, над ним смеется. Он проедает свое богатство в пустой надежде —

Шв(арц:) Нет, я ишу не богатства, а истины, мне богатство не нужно —

Зачем ищешь ты золота —

Я ишу разрешения вопроса —

Если ты найдешь золото, ведь ты сложа руки будешь жить —

Нет, я стану искать квадратуру круга —

Что это такое, верно... *regretuum mobile*».⁸

«Свернутая» в этом плане пушкинская идея обнаруживает огромную внутреннюю глубину. Изобретатель — вполне справедливо — выглядит предметом осмеяния в глазах благополучных «соседей»-обывателей, ибо бьется над поиском абстрактных и недоступных вещей: «философского камня», «квадрату-

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 217.

⁸ Там же. С. 348–349.

ры круга» и т. п. — некоей «пустой надежды». Все это ищется не для «золота», а для «истины» — для «разрешения вопроса», того «вопроса», который перед собою ставит сам же пытливый изобретатель. И не одного «вопроса», а множества: отыщет «философский камень», перейдет к поискам «квадратуры круга»... Этот-то вечный порыв материально «незаинтересованного» человека и создает изначальное *perpetuum mobile* — то «вечное движение», на котором в сущности основано развитие человеческого общества и мира вообще.

А сам изобретатель в финале своих поисков остается при том же материальном недостатке и при той же «духовной жажде», с которыми начинал свои поиски.

Пушкинский герой «железного века» выдвигал житейский лозунг Нового времени — совершенно в духе купца Мартына:

Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!

«Разговор Книгопродавца с Поэтом», 1824

Брат Бертольд — это герой другого типа: человек «вне времени», озабоченный «разрешением вопроса» — и ничем иным. Это тот «сумасброд», который, по существу, определяет самую способность человечества к «вечному движению» во все времена.

Прообразом персонажа драмы Островского стал не средневековый монах, который прославился своим «случайным» изобретением, а те механики-самоучки, которые водились на российских пространствах (вроде упомянутого выше «столяра из Гродно»). Кулигину, несмотря на сходство его фамилии со знаменитым изобретателем-самоучкой, не суждено изобрести ничего выдающегося. Невозможность «перпету-мобиля» ко времени создания «Грозы» уже была сформулирована и вошла в учебники — она уже понятна даже более или менее образованным персонажам пьесы. Борис Григорьевич, выслушав разглагольствования «самоучки-механика», произносит знаменательную реплику: «Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив».

Борис Григорьевич когда-то учился в Коммерческой академии — следовательно, «порядочно образован». Но дело даже не в уровне образованности.

Характерно примечание Островского к списку действующих лиц «Грозы»: «Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски».⁹

⁹ Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 217, 210.

Примечание это, думается, не следует понимать буквально. К примеру, полусумасшедшая «барыня с двумя лакеями» вряд ли облачена в какой-нибудь опашень или кичку. Да и купцы вроде Тихона или Дикого, наезжающие в Москву по делам, вряд ли были одеты в «терлик и мурمولку» вроде славянофила К. Аксакова, которого за десять лет до «Грозы» на московских улицах, по свидетельству Герцена, «принимали за персиянина».

«Русская одежда» в этом примечании имеет прежде всего характер символического указания: то, что произошло в драме, *может произойти только в России* и только с русскими людьми, еще не затронутыми «европейской» цивилизацией. Борис Григорьевич в этом «темном царстве» выглядит неким европеизированным «чужаком». И ведет себя именно как «европеец», не делающий ничего вопреки рассудку, не любящий вполне «сгоряча» и не идущий до конца. Он и образован, и умен, и привлекателен — но в «темном царстве» он чужой даже и по «одежде».

Кулигин кажется столь же «чужим», ибо несет в себе необходимую для «изобретателя», но явно неуместную в «темном царстве» черту личности — незаинтересованность. Ему в сущности, как и брату Бертольду, не нужно «злата», а чаемый «миллион» он готов употребить на общественные нужды. Для него лично этот «миллион» нужен разве что для того, чтобы приобрести иной социальный статус при будущих разговорах с совсем уж оголтелыми представителями этого «царства» — вроде Дикого.

Он кажется «белой вороной». Но это такая «белая ворона», которая своей «белизной» лишь подчеркивает «черноту» остальных. Поэтому не случайно на протяжении всей пьесы именно Кулигин выступает «бессильным обличителем» — своего рода сценическим резонером. А в последней сцене «под занавес», как и подобает резонеру, произносит самые «правильные» слова (о Катерине): «...она теперь перед судией, который милосерднее вас!». Но совсем не случайно он носит ту же «русскую одежду», что и все остальные жители города с «жестокими нравами».

Вот характерное начальное «представление» Кулигина в первом явлении:

«Кудряш: Ну, да ведь что с тобой толковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин: Механик, самоучка-механик.

Кудряш: Всё одно.¹⁰

¹⁰ Там же. С. 211.

С точки зрения характеристики драматического типа обозначение, данное Кулигину Кудряшом, точнее, чем «уточнение» самого Кулигина.

Первая часть этого обозначения — «антик» — в словаре В. И. Даля определяется как «старина, старинщина, древность *в значении вещи*». Калиновский изобретатель действительно представлен фигурой, пришедшей как будто из «старины» (из «рыцарских времен»); не случайно драма начинается исполняемой им песней А. Ф. Мерзлякова полувековой давности, а сам он особенно гордится тем, что «поначитался-таки Ломоносова, Державина», и представляет «испытателя природы» Ломоносова в качестве признанного «мудреца», высшего для себя авторитета «из нашего, из простого звания». В глазах окружающих он действительно предстает этакой старинной «вещью», которая в сущности неспособна к какому-либо действенному человеческому поступку.

Вторая часть кудряшовского обозначения — «химик» — тоже выражает «старинщину». Он возводит это обозначение не столько к «науке о разложении и составлении веществ», сколько к народному понятию «химистить» — «ворожить». «Химиком» Кулигин является именно в «старинном» смысле, представляя в глазах окружающих такого «брата Бертольда», «сумасброда», перенесенного в российский уезд середины XIX столетия.

Кулигинское «уточнение» сразу же «снимает» это намеченное сходство. Брат Бертольд в представлении Пушкина — это изобретатель энциклопедического типа: он и химик (получает золото), и механик («perpetuum mobile»), и математик («квadrатура круга»). Кулигин же не просто ограничен занятиями механикой — он еще и «самоучка-механик», тот, «кто без учителя, наставника или выучки перенял что, сам чему выучился».¹¹ Этим обстоятельством Кулигин особенно гордится. Его имя идет, как многократно указывалось, от «реального, известного прототипа», каковым является «талантливый самородок, нижегородский механик-самоучка Кулибин».¹² Показательно здесь, что реальный Иван Петрович Кулибин (1735—1818) жил столетием раньше персонажа Островского.

Именно в связи с тем, что в нашумевшей «Грозе» Островского «самоучка» представил одну из возможностей «национального» противостояния злу «темного царства», т. е. выс-

¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 136.

¹² Анастасьев А. «Гроза» Островского. М., 1975. С. 49.

тупил в определенном смысле «просветителем», И. С. Тургенев в романе «Дым» (1867) так ополчился (устами своего «резонера» — Потугина) на российских «самоучек», и прежде всего на того же бедного Кулибина. Основная беда русского человека — в том, что он стремится противопоставить «скучному» учению некое «чутье», «инстинкт» этого самого «самоучки»: «Не поощряйте, ради Бога, у нас на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться без учения!». И — конкретно о Кулибине:

«Лезут мне в глаза с даровитостью русской природы, с гениальным инстинктом, с Кулибиным... Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье спросонья, а не то полузвериная сметка. (...) Инстинкт, будь он распрогениальный, не достоин человека: рассудок, простой, здравый, дюжинный рассудок — вот наше прямое достоинство, наша гордость; рассудок никаких таких штук не выкидывает; оттого-то все на нем и держится. А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерил какие-то пребезобразные часы, так я бы эти самые часы на позорный столб выставить приказал: вот, мол, смотрите, люди добрые, как не надо делать. Кулибин сам тут не виноват, да дело его дрянь».¹³

Гневные тургеневские филиппики только на первый взгляд кажутся несправедливыми: что за охота протестовать против «Кулибиных»? Дело тут не только в том, что Тургенев устами своего «резонера» «бичевал славянофильское зазнайство»,¹⁴ выдвигая в качестве своей «сердечной веры» европейскую «ци... ви... ли... зацию». Дело было еще и в некоей странной собственно русской черте, которую писатель отразил, так сказать, «отрицательно». В ответ на «дружную ругань», с которой был встречен «Дым», Тургенев заметил (в письме к П. В. Анненкову от 23 мая 1867): «Я, напротив, очень доволен появлению моего забитого Потугина, верующего единственно в цивилизацию европейскую, в самый разгар этого всеславянского фанданго с кастаньетами...».¹⁵

Прямое сравнение средневекового монаха-изобретателя и одетого «в русскую одежду» самоучки Нового времени будет выглядеть явно не в пользу героя Островского. Даже если

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 9. М.; Л., 1965. С. 231.

¹⁴ Цейтлин А. Г. «Дым» // Творчество И. С. Тургенева: Сб. статей. М., 1959. С. 404.

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 258.

«элиминировать» степень изобретательского таланта и уровень образованности брата Бертольда и Кулигина, даже если не принимать во внимание разницу в эпохах, а взять за основу лишь некие «вечные» нравственные показатели, — герой Островского окажется более «жалким».

Пушкинский изобретатель — пусть и «случайно» — оказывается провозвестником будущих «нерыцарских времен» именно потому, что сознательно приготовился к своему научному подвигу. Он вполне представляет себе, что может принести человечеству отыскиваемое им «вечное движение» — и ратует именно за будущее «человечество», никак не меньше! Самоучка Островского так никогда и не сможет — даже «случайно» — преодолеть собственный уровень «самоучки». Он «хороший человек» именно потому, что «мечтает себе и счастлив», — но мечтает о светлом будущем не человечества, а разве что небольшого окружающего «общества», «мещанства». А поиски «истины» для него запросто совмещаются с мыслями о «миллионе». Для него «вечное движение» не есть некий философский постулат, а лишь «перпету-мобиль», некая «машина», за «нахождение» которой можно получить вождеденное вознаграждение...

Поэтическая «мечтательность» в принципе не может обернуться чем-то существенным — и виной тому именно *русская одежда* самоучки. На фоне не очень развитых жителей города Калинова Кулигин выглядит образованным человеком — но если бы он смог достичь большего уровня образованности (хотя бы уровня Бориса Григорьевича), то ему пришлось бы тотчас отказываться от «русской одежды», серьезно мешающей идти в ногу с веком и невольно останавливающей его художественные и научные пристрастия во временах Ломоносова и Кулибина. А стоит ему сменить «русскую одежду» — так и кончится «самоучка», гордящийся тем, что, «не зная механики», может заменить ее «распрогениальным» инстинктом...

Персонаж Островского в этом отношении оказывается особенно «многоцветен». Образ «перпету-мобиля», оставаясь образом недостижимой мечты хорошего человека, оборачивается многими своими сторонами, выявляя в носителе этой мечты самые разные, подчас несоединимые, стороны.

Пушкинский монах Бертольд оборачивается здесь «русским чисто анекдотом».

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

SUB SPECIE TOLERANTIAE

*Памяти
В. А. Туниманова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008